

Дарий Дюже

Сады Проклятых

путь души

Издательские решения

Дарий Дюже

Сады проклятых. Путь души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7583225

Аннотация

Где-то там, на краю земли, а точнее, не на краю, а за «Проколом», есть ответы на все вопросы. Почему произошел Сдвиг? Почему Мир вдруг так изменился: что повлияло на появление аномальных зон, ведущих в невероятные, таинственные и загадочные миры? Кем они населены, и что же ждет человека, осмелившегося перешагнуть из привычного и обыденного мира в иной, непредсказуемый мир, в котором неведомо зачем, идет охота за человеческими душами.

Содержание

Висячие кафе Сериама	4
Белый Волк. Нарушенный сон	13
Прошедшая	15
Белый Волк	21
Осколки и воспоминания	22
Те, кто дорог	24
Прошедшая	29
Белый Волк и тень Чёрной скалы	38
Странник	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дарий Дюже

Сады Проклятых

Путь души

Висячие кафе Сериама

Висячие кафе Сериама... и небо плавится в малиновых прощальных лучах светила.

Лифтовая платформа неторопливо и бесшумно поднимается в небо. К тем, кто ждёт, кто не бросил...

Город остался внизу и неспешно тает в подступающей мгле. Можно было бы увеличить скорость и оказаться на площадке кафе в считанные минуты, но мне нравится рассматривать окрестности с высоты, и нравится, когда ночью вокруг одни звёзды.

Прижавшись ладонями к невидимой упруго-тёплой преграде силового поля, наблюдаю за пролетающей стайкой птераклей.

Насколько известно, ни один экземпляр до сих пор не пойман. Неуловимые существа. Словно призраки или фантомы. И, сколь неуловимы, настолько же материальны и вещественны – на взгляд размером с журавля, и чем-то напоминают доисторических птеродактилей и мифологиче-

ских драконов. Первых, наверное – формой крыльев и гладкой на вид кожей, вторых – формой головы и гребенчатым, шипастым хребтом. Чаще всего они появляются на закате, но никто и никогда не видел, чтобы они где-то приземлились. Эти загадочные создания словно бы растворяются в закатном мареве или дождевых тучах. Ещё одна загадка из огромного сонма загадок, которыми одарил мир Поворот. Не люблю загадки. Лет десять, как не люблю.

Стая скрылась в горизонте, и мимо, на огромной скорости, промчалась платформа: молодёжь спешила на танцплощадку. Им было весело, две парочки обнимались и шутили – я успела увидеть улыбки, и лифт унёс их ввысь – к романтической музыке и танцам под звёздами. На секунду в душе проснулась зависть – к весёлой беспечности, к беспечной радости. К тому, что у меня отняли. Отняли самые дорогие и близкие люди. И на вопрос, как они могли?, я не могу найти ответа... вот уж десять лет. Как не нахожу и оправдания.

– Отговаривать тебя бессмысленно? – за кофе поинтересовался Фёдор. Скорее утвердительно, нежели вопросительно.

Я кивнула, глядя в чёрное дрожащее зеркало, в котором отражались дрожащие звёзды. Кофе давно остыл, а я всё разглядывала отражение.

Ужин удался не из весёлых, но веселья никто и не жаждал. Мы собрались здесь, что бы попрощаться, и настроение царило соответствующее.

– А как же твой брат?

– А что мой брат, Доро?

– Фёдор прав, тебе не кажется? – вмешался профессор. – Ты поступаешь с братом так, как когда-то поступили с тобой. Вернее – с вами. Но только тебя предали один раз, а его предадут дважды. Об этом ты не подумала?

– Я обо всём подумала, Степан Никанорыч. Он поймёт, поймёт, как поняла я...

– Ага, – хмыкнул Фёдор, для близких и друзей – Доро, – поймёт так же как ты, и отправится искать. Только теперь уже – тебя!

– А даже если и так?! – неожиданно даже для самой себя взъерепенилась я. – Ну и что? Мало ли что может произойти за то время, пока он вырастет. Был один Поворот, вполне может случиться и ещё один. И неизвестно, в какую сторону развернёт в следующий раз!

– Отговаривать вас, Суламифь Григорьевна, похоже, действительно бесполезно, – вдруг перешел на официальный тон профессор. – Но, понимаешь ли, если тебе всё же удастся выбраться оттуда живой и в здравом рассудке, то этот удивительный факт очень и очень заинтересует спецслужбы. Можно сказать, что они начнут рыть копытом землю, лишь бы разобраться в подобном феномене... разобраться, почему же тебе это удалось.

– Как-то меня не очень это волнует...

«Меня это и вправду не волновало. Я всё для себя решила.»

Истекли десять лет – напрасных надежд, разочарований, страха, и вновь – надежд. Я просто устала. И теперь чувствовала огромное, всеобъемлющее облегчение: наконец-то всё закончится. А как – уже не важно. Осталось лишь последнее тягостное испытание, но и оно подходит к концу – ужин заканчивается, и теперь меня ждёт лишь дорога».

Профессор, мой опекун, друг и учитель выглядел расстроенным – не сумев отговорить и удержать меня от, как ему казалось, авантюры. От похода в Запретные Земли. И это не те Запретные Земли, где обитают фениксы, где можно исполнить Заветное желание – нет, мой путь лежал не туда. Не верилось как-то, что нашу с братом судьбу можно исправить так просто. Вот не верилось – и всё тут... наверное зря. Но нет во мне Заветного, не вызрело это желание – одни вопросы, что в душе, что в уме, что на языке. Вот и сейчас – так и тянет поинтересоваться у Степана Никанорыча, почему же он не остановил моих родителей? Но не буду – жаль старика. Вон как устало поникли плечи, а крупные ладони с прямоугольной формы длинными пальцами тяжело лежат на столешнице. С детства помню эти удивительные руки: тёплые, но сухие и жесткие – словно лист сухого камыша. И такие надёжные – всегда готовые подхватить, помочь... Да и Фёдор смотрит укоризненно: лучше б их было не звать, ушла бы себе потихонечку!.. Но не смогла. Что ж, будем терпеть и сражаться – душевное спокойствие, что их, что моё – стоит того.

Взяв ещё по бокалу вина, отходим к балюстраде – хо-

лодного ветра не чувствуется, кафе накрыто силовым куполом. Теперь звёзды были повсюду: и в небе над нами – холодные и бесстрастные, и внизу, под ногами, там, где город жил своей суетно-сонной ночной жизнью, со всеми мелкими и не очень проблемами обывателей. *«И почему я так не могу? Просто жить. Просто выйти замуж, родить детей, ходить на работу и возвращаться в дом, где меня ждут и любят. Может, это проклятие на роду лежит такое – не знать покоя, стремится докопаться до истины? Зачем бы они ещё могли уйти, бросив двух маленьких детей? Ну зачем?»*

Летун – этакий гибрид живого существа и механизма – утром доставил меня к границе Запретных земель. Ну, они уже не очень запретные – Запретными они были где-то два столетия назад, когда всё только случилось. Сейчас же это просто точка в заснеженных отрогах гор, где, как выразились физики: «... пространства сливаются, и образуется прокол, через который можно проникнуть в иной мир». Это заключение, столь глубокомысленное, они вынесли после изучения рапортов первых Вернувшихся. Тех, кто нёс с собой простейший диктофон или же сумел сохранить хотя бы остатки здравого рассудка. Таких были единицы, хотя, когда был обнаружен этот прокол, туда толпами бросились учёные-естествоиспытатели, любители приключений всех мастей, знаменитые и не очень путешественники, ну и естественно, мечтатели. Про любителей халявной наживы – я уж и не гово-

рю, но они, как ни смешно, оказались самыми трезвомыслящими – и едва завидя опасность, «сделали ноги». Я изучала хроники тех времён, и видео, и печатные. Всё начиналось как обычно при обнаружении очередной Зоны. Вначале карантинная блокада силами военных, затем, после того, как убедятся, что с *той* стороны никто опасный не пожалует, к объекту допускаются учёные. Через некоторое время, после того, как эти самые учёные бессильно разводят руками, в закрытую зону пропускаются все желающие. Военные уходят. Но, то, что они уходят, не значит, что объект остаётся без правительственного наблюдения.

Едва Запретные земли начали выплёвывать исковерканные, искалеченные физически и духовно личности, некогда бывшие замечательными людьми, военные вновь перекрыли доступ к ним. Ненадолго. Примерно через полгода базу вновь сворачивают. Видимо, кто-то в правительстве подсчитал, что жизнь десятка безрассудных искателей приключений не стоит круглогодичного содержания в горах постоянно действующего военного пункта. Может, он и был прав – в конце концов, человек, поставивший перед собой цель вполне способен её добиться, и просочится даже через военный кордон.

Высадив единственного пассажира на посадочной площадке, рядом с экраном информатория, летун расправил покрытые металлической чешуёй крылья, и устало взмахивая, полетел обратно, в город. Да уж. Нашли, кого послать в такой

дальний рейс – не могли дать особь помоложе? Таким старичкам только городские линии обслуживать. Надеюсь, он доберётся обратно...

Стоило сделать шаг, и экран ожил, электронный голос убеждал неразумного путника повернуть обратно, демонстрируя, что случилось с теми, кто всё же проник в Запретные земли. Я знала, что с некоторыми такой фокус проходил – они поворачивали назад, но только не я. Зря стараться, дружок. Словно уловив мысль, информаторий икнул, мигнул, и, закашлявшись, погас. Видимо, его давно не посещала ремонтная бригада.

Подхватив нетяжелый рюкзачок за ляжки, стала подниматься в гору, по давно вырубленным в промёрзшем грунте и осыпавшимся ступеням. Надо подняться где-то метров на двести – там должен быть прокол.

«Не могли сделать взлётную площадку поближе, чтоб ноги не ломать...» Впрочем, ругаться бесполезно – её просто не могли разместить рядом с зоной входа. Всё оборудование, в котором была хоть малая доля электроники, любило неожиданно и непредсказуемо выходить из строя, как раз в радиусе двухсот метров. Физики, изучавшие явление, пришли к выводу, что это вызвано каким-то излучением, им ещё неизвестным. Можно себе представить, что случится с летуном, заходящим на посадку, если в его полуживой голове откажет процессор...

Добравшись до металлического ограждения, окружающе-

го зону проникновения чужого пространства в наш мир, оглядываюсь: горы и тучи, похожие на туман. Ничего похожего на привычный мир, значит, и прощаться не с чем. Только ледяной ветер обжигает щёки морозными поцелуями. Чёрт, может, всё-таки не стоит?

Я стояла перед низенькой оградкой, чем-то похожей на кладбищенскую, может символизмом? И огораживала она примерно такой же пяточок, что резервируют на двоих. Где-то два на два, ну может, чуть больше... унылый серый заборчик, по колено высотой, ограждающий совершенно пустой, на вид, клочок земли... Меня вдруг охватило такое чувство, словно пришла к могиле родителей: пришла спустя много-много лет после их смерти, и визит этот, для которого пришлось столько времени собираться с духом, совершенно бесполезный и тоскливый. На глаза навернулись слёзы – но всё же протянула руку, и передо мной появились амальгамовые концентрические волны, словно пальцы коснулись жидкой зеркальной поверхности. Едва вдохнув – лишь бы не передумать! – шаг вперёд. Ещё шаг – выдохни. Ты прошла. Ты справилась не только с неизвестностью, но и с самой собой.

За спиной осталась зима, а впереди простиралось лето. Лето. ЛЕТО. Ясное солнце, высокие облака, тёплый воздух, похожий на морскую воду, густое щебетанье птиц и кузнечиков, цикад; волнующееся море трав и цветов, густая полутьма рощ, звонкая песня воды, совсем не похожая на стылое и медленное журчанье в зиме. Осмотревшись, покатала это

слово на языке, но получилось не лето, а что-то вроде лииеето, сродни томного потягивания кошки перед жарким огнём камина. Здорово. Если бы это всё было ещё и в нашем мире...

– Лето! Вот здорово! – этот возглас вырвался помимо воли и удивил меня неизмеримо. Своей детскостью. Для меня нехарактерны такие молниеносные перемены в настроение... да и вообще – не на пикник выбралась. Следует помнить, чем чреват это благодушный, на первый взгляд, мир. Одёрнув себя таким образом, продолжила осматриваться.

Белый Волк. Нарушенный сон

Что-то потревожило его во сне. Что-то неуловимое, смутное, далёкое: где-то было произнесено слово. И даже не отзвук, а лишь далёкое дыхание воздушной волны коснулось ушей спящего. Этого оказалось достаточно, что бы прервать спокойное течение грёз. Огромный белый волк, дремавший в густой тени высокой, антрацитово-чёрной скалы, неторопливо поднялся, встряхнулся, так что во все стороны полетели листочки и хвойные иголки, и задумчиво посмотрел на восток. Слово было сказано там. Значит, опять кто-то *прошел*. Это же подтверждала и небольшая стая чёрных птиц, чьи тени скользнули по яркой зелени ложбины, в которой он отдыхал: словно случайно изроненное из крыла, на траву медленно спланировало потрёпанное перо. Ага. Как-то неоригинально.

С лентой потянувшись и широко зевнув, зверь неторопливо приблизился к этому «привету», и осторожно обнюхал. Потом задрал лапу и помочился на него. Перо словно кислотой облили – оно начало съезживаться, шипя и истекая дымом, в то время как трава вокруг никак не реагировала на «процедуру».

Дождавшись, пока оно окончательно исчезнет, и пару раз чихнув от неприятной, ничего общего не имеющей с запахом обычного горелого пера вони, белый волк неторопливой

трусой направился на восток. Надо было взглянуть на того, кто прошел. Надо было понять: стоит вмешиваться или сразу опустить... лапы. Потому что, если сам прошедший не готов бороться – то лучше белый волк вернётся под сень своей скалы и вновь погрузится в бездумные, безмятежные грёзы. Это так приятно в летний, жаркий полдень... Почти так же, как и бежать, мягко и упруго переставляя лапы по сухой хвое, чувствуя как переливаются под кожей мышцы, наполненные энергией и *силой*. Давно он не чувствовал в себе такого подъёма, такого сжатия энергий, но и *путники* случались всё реже и реже. Да и то: далеко не все они интересовали хозяина здешних краёв, далеко не все...

Прошедшая

Дорогу я нашла почти сразу. Только задержалась немного, что бы переодеться в летнее.

К сожалению, попав в этот мир, мой комбинезон, созданный из натуральных тканей с вживлёнными элементами электронного управления, мгновенно стал обычной одеждой – электроника откинула свои виртуальные копыта. А я так надеялась, что этого не произойдёт! Так что, пришлось вручную потрошить его в попытках создать что-то вроде майки и шорт. Ну, если кто-нибудь пробовал использовать вместо портняжных ножниц и прочих швейных принадлежностей охотничий нож, то поймёт, каких усилий это стоило. Но, в конце концов, всё же получилось что-то вроде длинных – до колен, шорт, и майки с рукавами по локоть. Шедевром данные произведения назвать никто бы не рискнул, но ведь я не на бал явилась? Скатав и с трудом уместив в рюкзаке останки комбинезона (мало ли, вдруг пригодится) , с сомнением посмотрела на ботинки: едва ли они понадобятся, да и тащить не хочется. А бросить жалко. После недолгих колебаний, связала их шнурками и перекинула через нижнюю ветку сосны, где-то на уровне человеческого роста. Вдруг кому пригодятся?

Уже стоя на дороге, оглянулась на сосну, под которой переодевалась: бутсы всё ещё покачивались по инерции, жутко

нелепые на ветке. Такие же нелепые, и может, чуть-чуть жалкие в своём соотношении к человеку, как и все эти ленточки, клочки, носовые платки, завязываемые «на счастье» в, так называемых, святых и мистических местах. Нет бы людям подумать, что они делают: завязывают свою мечту на узел. Я невольно хихикнула, представив, как следующий исследователь с некоторым недоумением рассматривает мои ботинки, а потом его озаряет: ба! Да это же хорошая примета! И вот уже бедолага стягивает с себя ботинки, ну или кроссовки, и накидывает их на соседнюю ветвь... а через несколько лет вся ель будет увешана обувью. Этакая экзотичная мечта владельца обувного магазина.

Изгнав непрошено-легкомысленную картину из сознания, занялась более насущными проблемами. Такими, например, как размышления над тем, куда иду? Точнее, куда – это понятно: с востока на запад. Именно туда, в точку другого прокола и ведёт дорога, почти не петляя. И все вернувшиеся утверждают, что выжить можно, только если держишься её, не отходишь дальше, чем на десять-двадцать метров. Это у нас пункт первый: держать дорогу в поле зрения. Но... мои родители не вернулись. Следовательно, направление в контрах с целью следования. Если и смогу разыскать какие-то следы, метки, улики – то только сойдя с дороги. Я знала, что мне не на что надеяться – и не надеялась увидеть их живыми. Я хотела понять. Их понять. Значит, пункт второй: от дороги стараться не удаляться, но внимательно осматривать всё,

что может быть зацепкой, всё подозрительное. Ну что ж... принято к исполнению.

Асфальт дороги был весьма изношен, но всё ещё крепок: местами выщерблен, кое-где встречались колдобины и выбоины, но в целом относительно ровное полотно. Сейчас даже в деревнях такое кое-где осталось, хотя и в весьма глухих. По такому можно много часов идти не только в теннисках, предусмотрительно захваченных с собою, но и даже босой. Босой, быть может, даже и приятнее: чувствовать мягкое покалывание, своеобразный массаж, нагретого за день асфальта.

«Мы – дети странного мира, странного времени. Вполне человеки. Но Поворот дал нам что-то... что-то неуловимое. Может то, что не смогла дать НТР в далёком двадцатом веке. Я изучала историю, и не только исторические факты, но и социальные исследования – и как результат: научно-техническая революция стала формировать мир физиологически удобный и комфортный, но в нём не оставалось места для духовности, для развития душевной красоты и величия. Всё свелось к погоне за мимолётными удовольствиями: к тёплому сортиру и мягкой постели, к вкусной еде и необременительным для ума развлечениям. А в душе – пустота... Жизнь без цели, без идеи, единственный смысл которой – заработать денег и получить удовольствие! История ни в чём не виновата, но те, кто её вершили, украли и уничтожили все благородные идеи и це-

ли, всё, что позволяло оставаться человеку – Человеком, а не просто прямоходящим млекопитающим. Душе не стало к чему стремиться, и она... уснула, наверное. И как результат – эпидемия депрессии, духовной деградации и нищеты. Так что, Поворот, как это ни удивительно, пришелся более чем кстати. Да, многие сгинули бесследно. Да, на Земле появились Зоны непригодные для жизни человека. Да, иногда из этих Зон появлялись враждебные человеку существа. Но! Любопытство – извечное проклятие человека со времён ларца Пандоры, заставило нас проснуться, а душу – потрянуть многолетний налёт серого пепла сна и равнодушия. Поворот вернул человеку веру в Чудо, заставил высунуть нос из обжитого мирка обывательской жизни. И, хотя Поворот является косвенным виновником исчезновения моих родителей, моей боли, я всё же рада, что он случился. Лучше уж так, чем сдохнуть от водки и от простуд, прав был Высоцкий. У человечества появилась ещё одна вершина, ещё одна цель, к которой надо стремиться, напрягая все силы. И, видимо, это единственное условие для того, что бы человек честно познал и оценил себя. И дай Бог нам быть лучше, чем мы есть на самом деле: очень трудно жить слабым людям, очень трудно оказаться трусом, подлецом или предателем. Особенно, если был уверен в обратном».

Безмятежность этого мира умиротворяла и вызывала недоумение – что, в столь прекрасном и благословленном месте может сводить людей с ума? Что является причиной

исчезновений?

Негромко выводила трели какая-то, неразличимая в гуще кустов, птичка, шелестел в ветвях ветер, наплывающие облачка давали лёгкую прохладу. Дорога, так и хочется сказать – вилась!, но это было бы неправильно. Она, вроде бы, была прямой, но, сколько ни шагала, прямым оказывался отрезок пути метров в сто пятьдесят – двести, впереди постоянно маячил поворот, скрывая общую длительность. При этом, оглядываясь, каждый раз убеждалась, что дорога прямая как стрела, как минимум километр. Забавно. О таких фокусах ещё никто не рассказывал. Напрашивались два вывода: либо я первая с кем такое происходит, либо те, кто это видел, попросту, не смогли сообщить об этом. И вот это уже совсем не забавно.

Дорога была проложена между двух гор. Хотя нет, правильней было бы сказать, что она, э-э, ну ладно – вилась, по пологому склону одной горы, в то время как вторая, не очень высокая, но почти отвесная, белым сланцевым монолитом нависала над долиной. Не люблю такие горы: до половины одетая деревьями и кустарником, выше она напоминала Бедного Йорика – сланец похож на выбеленную временем кость, причём пористую – очень редко в теле горы чернели какие-то провалы. Может, ходы вглубь, в пещеры, а может, просто коррозионные вывалы породы, кто знает... Я не собиралась идти и проверять, что там такое. Не просто потому, что это было далеко от дороги, нет. При взгляде на эти

чёрные глазные впадины мне становилось не по себе, словно кошка положила лапы между лопаток и выпустила когти. Ну, если не обращать на это внимание, то окружающая природа была просто идиллической.

Ближе к обеду показались первые обитатели этого мира. Почему-то я ожидала увидеть птераклей, но это оказались птицы, похожие на нашего ворона. Большие, антрацитово-чёрные, головастые и клювастые. Они летели с запада, очень невысоко и, заложив плавный вираж, расселись на разлапистое дерево похожее на грецкий орех, росший недалеко от дороги.

Густая зелень листьев не мешала их рассматривать – местные круки были слишком неуместны, слишком черны в бушующем цвете жизни и роста. Птицы топорщили перья, встряхивались и переговаривались пронзительно-визгливыми голосами. Право, та незаметная пичуга с её трелями в кустарнике меня устраивала намного больше. К тому же, не смотря на гладкое и аккуратное оперение, при взгляде на чёрных птиц возникало такое ощущение – что это маскировка. Что на самом деле смотришь на что-то очень неприятное, ну как минимум – на стервятника. Нет, конечно какой-нибудь орнитолог тут же может возразить, что это очень красивая, полезная, умная и интересная птица... У каждого свои любимцы. Но во мне стервятники не вызывают никакого другого чувства, кроме омерзения.

Белый Волк

Ботинки покачивались, словно слабо веющий тёплый ветерок мог раскачать нечто столь тяжелое. Белый волк, задрав морду, раздумчиво наблюдал за оригинальным маятником уже несколько минут. И вдруг, враз приняв решение, поднялся на задние лапы, зубами вцепившись в один из ботинок, сорвал с ветки. При этом второй, перекинувшись через ветку, весьма ощутимо стукнул его носком в лоб.

Быстро обрыскав полянку, на которой переодевалась девушка, белый волк отыскал несколько лоскутов ткани и обёртку от шоколадки. Собрав всё до кучи, вырыл неглубокую яму, спихнул всю добычу и старательно загрёб землей, приминая получившийся холмик носом. Когда он сравнился с уровнем дёрна, крест-накрест провёл лапой, оставляя быстро тускнеющий серебристый след когтей. Пронаблюдав, как рана земли затягивается молодой порослью травы, развернулся и потрухал по дороге – вслед *прошедшей*, злорадно оскалив зубы на выпорхнувшую из кустарника чёрную птицу. Хозяин здешних мест не дремал, но, увы и ах – был далеко не всемогущ и не всевидящ. Иначе не допустил бы существования Белого Волка.

Осколки и воспоминания

Ночь. Между часом быка и часом волка. Уличные огни бродят отсветами теней по комнате. Там не темно – просто не надо света.

Юноше, только вышедшему из душа, с полотенцем вокруг бёдер, кажется, что кожа девушки, лежащей на разобранной кровати, слабо, призрачно светится. Лёжа на животе, удобно опустив голову на руки, слегка насмешливо улыбается, наблюдая за ним.

– Прихожу домой, а там девушка. В постели. Голая. Ну я и обалдел... – негромко произнесла она, вспомнив конец какого-то анекдота, – Доро, у тебя сейчас именно такой вид.

– Дурацкий? – улыгнувшись, спросил.

– Угу. Ты что, впервые меня видишь?

– Любуюсь. Ты такая красивая...

– Подхалим. Ничего у тебя не выйдет.

– Чего бы я ни отдал, чтобы ты отказалась от своей затеи, Мифа...

– Не надо, не порть настроение.

– Ты собираешься не настроение испортить, ты собираешься сломать две жизни. И свою, и мою. Ещё и брата.

– Так и знала, что научные сотрудники – жуткие зануды, особенно физики. Не надо Доро, не порть эту ночь, тем более что она может быть последней в нашей жизни.

– Это от тебя зависит...

– Хватит, – Суламифь встала, кутаясь в простынь. Не потому, что было холодно или же она стеснялась своей наготы. Нет. Ей нужна была уверенность, уверенность, что бы не свернуть с пути, она не в простынь заворачивалась под взглядом любимого человека, девушка напоминала себе самой – пути назад нет. – Или я уйду немедленно.

Утро неотвратимо приближалось, ночь, стаяй чёрных птиц, умчалась на закат, оставив зарождающемуся дню глубокую, бездонную, нехватную синь безоблачного неба. Если б можно было крикнуть: «Остановись мгновенье, ты – прекрасно!», и навсегда замереть в этой секунде вечности! Но для влюблённых любая вечность проходит в один миг, и с каждым новым лучом пробуждающегося солнца приближался момент разлуки.

Те, кто дорог

Фёдор стоял у окна, глядя на просыпающиеся огни вечернего города, не замечая, что комкает в кулаке очередной листок с заявлением об увольнение по собственному желанию. Он не видел мигающих огоньков трасс и широких взмахов крыльев летунов, уставших за день, лишь отражение лица в стекле – не своего – Суламифь. Она ушла. А он остался. Делать карьеру, сидеть в мягком кресле и насыщаться гранитом познания. Чувствовать к себе отвращение и ненависть. И пустоту в душе. Почему? Зачем? Неужели же чувства так слабо связывали их, что не смогли удержать её от рискованного, безрассудного похода? Неужели же знать правду – сомнительную правду – для неё намного важнее, чем быть любящей и любимой? Эгоистка. Бессердечная эгоистка. Самая любимая. Фёдор вздрогнул, когда отражение в стекле – в памяти – печально улыбнулось, глядя на него с грустью, с непередаваемой словами нежностью любящей души.

Презрение к себе, боль и страх потери, надежда всё исправить расплавленной магмой жгли душу, и лишь действия могли утихомирить чувства.

Когда запиликал селектор и голос секретаря вызвал его к замдиректора, понял, что окончательно скомкал и разорвал заявление. Быстро написав новое, тринадцатое по счёту, решительно отправился отвоёвывать свою свободу и пра-

во быть с тем, кто дорог.

Рассветные лучи застали летуна, нёсшего Фёдора, на подлёте к отрогам гор, скрывавшим точку прохода в тот мир, куда отправилась Суламифь. Небо было ясным и высоким, и лучи солнца казались от этого ещё пронзительнее и ярче. Фёдор решил, что будет считать это хорошим предзнаменованием для начала пути. Для начала новой жизни. Он чувствовал себя уставшим после вчерашней беготни по кабинетам, объяснений и требований, ожиданий и вновь: объяснений, объяснений, объяснений... почему он должен что-то кому-то объяснять, когда хочет просто быть с любимым человеком, хочет уберечь и поддержать её? Какое они имеют право отнимать у него время? Бюрократы, бюрократы, бюрократишки, жидконогие козявки-букашечки...

Вырвавшись на свободу из бумажной темницы волокиты, помчался по магазинам, покупая всё необходимое в походе – хорошо хоть, что они работают круглосуточно, иначе бы задержался ещё часов на десять. А это была непозволительная задержка.

Летун заложил плавный вираж, заходя на посадку, и Фёдор увидел, что на посадочной площадке уже сидит один из собратьев крылана. Естественно, окна – в прямом смысле слова, в полуживом теле летуна не было, но видеодатчики выводили голографическую картинку пейзажа в «салоне». Возле нетерпеливо переминающегося с лапы на лапу транспорта (так ведут себя только очень молодые особи), непо-

движно стоял мужчина. С такой высоты было невозможно различить лица, но юноша и так догадывался, кто его ожидает.

– Доброго утра, профессор! – выпрыгивая из транспорта, воскликнул он. Не смотря на минувший трудный день и хлопотливую ночь, он был юн и бодр, и энергия бурлила в нём, требуя действия. Фёдор вдруг понял, что сам себе напоминает летуна, который принёс профессора сюда: не смотря на дальний путь, тот вновь был готов сорваться в движение.

– Доброго, – хмуро, едва ли не сердито ответил тот.

На Степана Никанорыча было больно смотреть, Фёдор неожиданно вспомнил, что совсем недавно они отмечали юбилей – профессору исполнилось восемьдесят. Несмотря на столь почтенный возраст, Степан Никанорыч выглядел крепким мужчиной, следил за своей внешностью и одеждой – этому немало способствовало то, что он до сих пор занимал руководящую должность в НИИ, где собственно и работал Фёдор. Но сегодня весь возраст, что называется, был «на лицо»: кожа посерела, под глазами набрякли мешки, глубоко прорезались морщины, обычно незаметные, поскольку профессор часто и с удовольствием смеялся, обладая жизнерадостностью, которой так часто не хватает людям даже намного моложе.

– Степан Никанорыч, вам плохо? – кинулся к нему Фёдор, ощущая, как ёкнуло сердце. Если старика придётся уложить в больницу, никуда он, естественно, не отправится. О поис-

ке Суламифи можно забыть: у профессора не было семьи – никого ближе его и Мифы.

– С чего бы это? – криво улыбнулся тот в ответ. – Разве у меня есть повод волноваться? Разве двое самых дорогих мне людей, один за другим не делают глупости, не лезут, очертя голову, навстречу сумасшествию?

Фёдор остановился, виновато опустил глаза: ему не хватило духу, как Суламифи, попрощаться с профессором. Он оправдывал это тем, что спешит, но понимал, что на самом деле просто боится посмотреть старику в глаза, сказать, что оставляет его одного.

– Всё в порядке, Фёдор. Я прилетел не для того, что бы читать мораль или пытаться остановить. Просто попрощаться. Всю ночь искал – мне позвонили, как только ты ушел из института, но больно уж ты прыток. А когда понял это, решил подождать здесь – уж тут-то разминуться не сумели бы.

Профессор замолчал, и наступила тишина: Фёдор всё ещё не мог найти в себе силы посмотреть старику в глаза. Он понимал, что надо что-то сказать, но в голове бродили лишь обрывки глупых, сентиментальных фраз, которые и произнести-то стыдно. Эту тишину нарушило чирикание летунов: транспорт юноши что-то курлыкнул собрату и, не дождав-шись новых указаний пассажира, расправил крылья, взмыв в воздух. Где-то его уже ждали, он был кому-то нужен. Стоящих неподалёку людей обдало порывом морозного воздуха.

– Профессор, – юноша шагнул к нему, взял морщинистые,

тяжелые руки в свои, поднёс к лицу, коснулся губами, – простите мне... простите мне всё. И отпустите. Я вернусь. Вернусь с ней.

– Мальчишка... – укоризненно произнёс старик, высвобождая руки и обнимая его, – самоуверенный мальчишка. Мне нечего тебе прощать, и я не держу тебя. Иди... Только возвращайся. Вместе с ней. Верни нам нашу Суламифь. Иди.

Так и не подняв взгляда, боясь увидеть слёзы в глазах старика, юноша кивнул и отвернулся, твёрдой поступью направился вверх – к месту прокола. Летун профессора взмахнул крыльями и что-то каркнул вслед, но Фёдор не обернулся – оборачиваться в пути – плохая примета. Достигнув оградки, постоял несколько мгновений, собираясь с духом – и протянул руку, ожидая увидеть амальгамовые, серебристые круги, то, что так часто видел в записи.

Но вместо этого, воздух вдруг зашипел разъярённым котом, в нём образовалась небольшая туманная сфера, внутри которой полыхали белые электрические разряды, и один из них, вырвавшись, раскалённой молнией вонзился в грудь юноши...

Прошедшая

День угасал. Последние лучи солнца окрасили Бедного Йорика в слабо-розовый цвет, и теперь горы ещё сильнее напоминал свежеобглоданную кость. Надо сказать, что это не добавляло им привлекательности. Я старалась не смотреть на них, но ставя палатку, и собирая сухие ветки для костра, взгляд нет-нет и крался вверх, за чёрно-зелёную щетину вечернего леса, туда, где чернели провалами глазницы. Ночевать тут будет неудобно, под незрячим взглядом мёртвых глазниц. Впрочем, не стоит нагнетать мистику, такие горы есть и в нашем мире. Подумаешь, свет не так упал... обычный сланец.

Заплясал огонь, ветки затрещали, обугливаясь – и на душе стало как-то спокойней. словно зашептала, успокаивая, память предков, для которых огонь был едва ли не живым существом, оберегающим не только от хищников, но и от злых враждебных духов. К тому же, лучи солнца окончательно погасли, и сгустилась непроглядная темень – только высоко-высоко в небе мигали пылинки звёзд. Намного выше, чем на земном небосводе, и намного мельче, тусклее, хоть их и было значительно больше. Интересно, здесь есть что-то, равнозначное нашей Луне?

Надиктовав несколько фраз на диктофон о том, что видела и слышала, отложила его в сторону. Выводы пока делать

рано. Вот, кстати, интересно: почему мой комбинезон помер, так сказать, а диктофон работает? Может, дело в том, что он допотопных, доповоротных времён, и достаточно примитивен? Я и купила-то его в магазине антиквариата и раритетов, и даже не предполагала тогда, что он понадобится. Как не предполагала и того, что отправлюсь когда-нибудь в такое путешествие.

Интересно, чем сейчас занят Доро? Сидит в своём НИИ, в кабинете, и пытается разгадать все тайны вселенной, наверно. В этом вся его жизнь.

Преимущества развитой цивилизации в том, что человек, в общем-то, может выбрать занятие по душе. Если тщеславен, как наш Доро – может делать карьеру, пытаться прославиться; жаждет знаний – пожалуйста, библиотеки и университеты к вашим услугам, хоть всю жизнь учись. Причём таких вечных студентов в нашем обществе довольно много. Ну, а если лентяй – валяйся на пузе хоть целый день, правда, хоть с голоду и не помрёшь, но на прожиточный минимум особо и не пошикуешь, но и такие трутни тоже есть.

Не знаю, кем могла бы я стать в этом обществе: вечным студентом или же домохозяйкой, может, написала бы много интересных книг или же стала знаменитым хореографом. И вряд ли узнаю. Родители выбрали за меня, и не оставили мне выбора. Знали ли они об этом? Понимали ли, что пойду следом? И если знали, зачем так поступили? Зачем?

На душе стало тоскливо, но я привыкла к этой тоске – она

стала почти родной. Она – не злой дух – треском и пляской огня костра не прогонишь, музыкой не заглушишь. Единственное спасение в сне. У которого единственный недостаток – когда просыпаешься, ничто не меняется...

Проснулась, когда ночное гудение цикад сменилось переливчатым щебетанием птиц, а палатку осветили первые лучи солнца. От вчерашних дурных предчувствий не осталось и следа, но они вернулись с новой силой, стоило откинуть клапан палатки.

В первую секунду я просто не поверила глазам – настолько это было нереально: палатка стояла то ли в эпицентре землетрясения, то ли в центре поля, перепаханного безумным трактористом. Земля, перемешанная с дерниной, глубокими рваными бороздами окружала палатку, несколько крупных валунов вывернуты «с корнем», а дерево, под которым я разместилась на ночлег, стояло голым, разом сбросив листья. Что здесь происходило, и почему я ничего не услышала, не почувствовала?

Преодолев растерянность, спустилась к дороге, убедившись, что это не обман зрения: все пять метров, что отделяли палатку от асфальта, приходилось идти осторожно по осыпающейся, рыхлой земле. Но у кромки дороги это безобразие словно ножом обрезало, хотя, за палаткой – выше дерева, борозды простирались метров на десять. Чертовщина какая-то...

Побродив ещё немного вокруг да около, заметила след

в траве, ведущий вниз от дороги, в сторону Бедного Йорика. Будто по высокой, росистой траве волокли мешок с картошкой. Только весил этот мешок не пятьдесят килограмм, не сто, а все пятьсот, судя по состоянию травы, раздавленной и выдранной с корнем.

Оглядевшись и убедившись, что ничто, вроде бы, не угрожает моим вещам, решила немного пройтись по следу. Он спускался, извиваясь, по пологому склону и был хорошо виден в высокой зелёной траве. С некоторой оторопью поняла, что он напоминает след змеи, если пресмыкающееся было размером с легендарного Золотого Полоза из сказок Бажова.

С некоторыми колебаниями в душе (идти или не идти, вот в чём вопрос), спустилась в ложбину, разделяющую горы и убедилась в верности догадки: смяв кусты и выворотив подлесок, след вёл к Бедному Йорику. Ну уж нет, туда я не пойду. Ни за какие коврижки. Все инстинкты протестовали против дальнейшего исследования и крук, вырвавшийся из леса, с хриплым карканьем сделавший круг над головой, от чего я вздрогнула, только утвердил в этом решении. Туда я не пойду.

Подгоняемая чувством страха, словно в спину смотрел кто-то огромный и недобрый, вот-вот готовый напасть, стала торопливо карабкаться вверх. Да уж, это когда спускаешься, кажется склон пологим, когда поднимаешься – всё наоборот.

Где-то на полпути к лагерю, паника улеглась, необоснованное чувство страха исчезло: я смогла остановиться

и оглянуться. И, конечно, никого за спиной не было, никто не собирался на меня нападать. И всё же, я склонна доверять своим чувствам – след принадлежал существу, от которого нужно ждать беды. И держаться подальше. Одно непонятно: если это он устроил такой кавардак вокруг палатки, чего добивался? Хотел напугать? Продемонстрировать свои возможности? Заставить идти по следу? Непонятно...

Не смотря на ясный денёк и тёплые лучи солнца, поднимающегося всё выше, в душе кошачьими лапами скреблись неприятные предчувствия. И, пытаясь их изгнать, я не сразу обратила внимания на странные звуки – мягкую воркотню, доносящуюся от палатки. Кажется, мне придётся пожалеть о своей беспечности...

Возле палатки суежилась дюжина странных существ. Ростом едва мне до колена, и очень похожие на троллей из старых фильмов – когда ещё не было компьютерной графики. Так вот, эти существа здорово напоминали те куклы, с развесистыми лохматыми ушами и клювастыми мордочками. Одеты они были либо в старую клочкастую рванину, либо обросли грязно-бурой неопрятной шерстью. Характером обладали вредным и злобным... Я как раз наблюдала, как четверо из них с визгами перетягивают, каждый к себе, мой рюкзак, швы которого трещат; ещё двое, сцепившись в клубок, яростно дерутся – непонятно где, чья голова, нога, рука? Интересно, что эти не поделили? Шоколадку, пуговицу, зеркальце? Остальные мирно уничтожали мои запасы и ве-

щи, мило воркуя.

В два прыжка преодолев проборонённую полосу земли, рискуя вывихнуть ноги, оказалась рядом с лже-троллями, которые, занятые увлекательным делом воровства, до сих пор меня не замечали. Теперь же с испуганными визгами бросились врассыпную, не забыв прихватить добычу. Впрочем, рюкзак я отбила – слишком уж он был тяжелым для воришек, и бежать быстро не получалось.

Постояв немного в растерянности перед разорённым имуществом, принялась наводить порядок: облюновленные остатки продуктов в одну кучу – всё, что не успели утащить. Всё равно ведь вернуться, проверить, что и как, так пусть хоть доедут. Уцелевшие вещи и запасы в другую – значительно меньшую. Н-да... Поле боя осталось за мной, но вот с припасами теперь – беда. Не тронутыми осталось: пара тюбиков с концентратом куриного бульона, шоколадка, брикет с сушеными овощами. Да, немного на, как минимум, две-три недели. Придётся что-то придумывать. Так, а где комбинезон, аптечка и акваблок?

Комбинезон обнаружился в стороне от палатки, неуверенно ползущий к лесу – слепо рыскающий из стороны в сторону. Если посадить котёнка в пакет, или накинуть на него простынь, получится примерно то же самое. Забавно.

Догнав пропажу, подняла, и попыталась вытряхнуть незваного гостя, но не тут-то было. То ли он запутался, то ли не хотел покидать приглянувшееся обиталище, но вы-

тряхнуть его не удавалось. И я не придумала ничего лучше, чем засунуть руку в складки материи и выволочь лже-тролля за шкуру. О чём тот час и пожалела: извернувшись, открыл неожиданно большую, для такого маленького существа пасть, с острыми желтыми зубами и вцепился мне в руку. Стоило выпустить его шкуру, как он разжал зубы и мохнатым клубком метнулся прочь. Интересно: ходили они на двух ногах – вертикально, а бегали на четырёх. Раз-два-три-четыре, раз-два-три-четыре... так быстрее? Чем раз-два? Опустив кровоточащую руку, чтобы не мешать кровотоку – кто его знает, носителем каких инфекций является это существо, пусть кровь стекает, вернулась к палатке. Где же аптечка? Надеюсь, в ней не сидит ещё какой-нибудь Джордж Макинтош, которого надо витряхнуть?

Подозрения оказались ненапрасными. Да что ж это за безобразие такое, а?! Аптечка нашлась в палатке, разорённая и разбросанная, а рядом, перемазанный зелёнкой и пласт-пастой, мертвецким, беспробудным сном спал ещё один лже-тролль. Рядом лежал пустой пузырьёк из-под медицинского спирта. Тоже мне, индеец нашелся... Не выдержав, расхохоталась, и осторожно подняв новоявленного алкоголика за шкуру, вынесла наружу, уложив рядом с кучей порченных продуктов. Хоть какая-то компенсация за неожиданное похмелье ему будет. Блин, спирта жалко. Да ещё и неизвестно, какие медикаменты он испортить успел, прежде чем напился.

Произведя фармацевтическую ревизию, ещё раз расхохоталась: ну просто таки месть злобного врача. Этот паразит слопал не только спирт, он его закусил упаковкой слабительного, из-за сладкой глазированной оболочки решив, очевидно, что это конфеты. Бедняга. Может, сделать ему промывание желудка?

Похохатывая, обработала ранку: паршивец прокусил кожу на запястье, залила остатками пласт-пасты, и дёргающая боль улеглась.

Выглянув, что бы проверить как там алкоголик, ещё раз убедилась в зловредном характере этих тварюшек. Вместо того, что бы харчить уже распакованные продукты, он утащил целый тюбик с бульоном. А быстро он, однако, проспался. По массе тела, для него этот тюбик со спиртом должен быть равнозначен бутылке водки для человека средней комплекции. И где его теперь искать?

Судьба видимо решила, что зло должно быть наказано: обойдя палатку по кругу, я заметила... э-э, что-то вонючее и жидкое, и этот след привёл к кусту. Воришка сидел под ним, тупо глядя на тюбик в ручках-лапках и слегка покачивался. Очевидно, пытался сообразить, что и зачем прихватил. Но, увидев меня, выронил добычу, и с визгом помчался прочь. Вернее, это он наверное так решил, что помчался. Хоть верещал и громко, бежать не очень получалось: несчастного «штормило», лапки подламывались, он смешно заваливался на бок и часто падал. Немного понаблюдав

за комическим бегством, подобрала тюбик, к счастью – целый, и отправилась обратно. Надо как можно скорее покинуть это место. Будем надеяться, что популяция этих шкод распространена не повсеместно.

Но потеря большей части продуктов и медикаментов была не так уж и страшна, особенно в сравнении с потерей акваблока. Из чего у них сделаны зубы, что смогли прокусить оболочку, сделанную из твердейшего сплава, что удерживал давление в сотни атмосфер? Я всё-таки нашла остатки акваблока: разорванный и опустошенный, раскрывшийся лепестками диковинного, стального цвета, цветка. Воду я, конечно, найду... но. Есть одно но. В сообщениях путешественников, вернувшихся из этого мира, слишком часто звучали такие словосочетания, как «река забвения» и «вода забвения».

Только никто не мог указать точно местонахождение местного Стикса...

Белый Волк и тень Чёрной скалы

Он бежал через предрассветный лес, и каждое движение отдавалось в теле болью. Воронья стая, преследовавшая его уже битый час и добавляющая новые мученья, сгнула, словно по хозяйскому приказу. Но в ушах всё равно стояло злорадное, кровожадное карканье. Ничего. С ними он ещё поквитается. Только бы добраться... только бы добраться до Чёрной скалы.

Вставшее солнце осветило лес, и лесная живность, проснувшаяся для дневных хлопот, испуганно шарахалась с пути белой, в кровавых пятнах и полосах, тени. Скорей, скорей... ещё скорей. Иначе не успеет, иначе ослабеет настолько, что не сможет добраться до спасительной, густой тени. До своей Хранительницы.

Деревья, кусты, валуны – всё быстрее и быстрее мелькают мимо, рябят в глазах, а белому волку чудится, что он вновь дерётся. Дерётся с Хозяином, с Владыкой, принявшим форму гигантского змея. Значит он прав, раз Хозяин здешнего мира пожаловал так скоро. Значит, за безмятежно спящей беспробудным сном, навеянным Владыкой, свободной душой началась охота. Она ему нужна. И он её не получит.

Он почти добрался, но и силы почти закончились: белому волку всё труднее переставлять лапы, мелькающие мимо деревья и кусты сливались в сплошную круговерть. Он был

уже в самом начале заветной ложбины, когда передняя лапа, попав в норку грызуна, подвернулась. Белый волк грузно повалился, сминая траву и цветы, пачкая кровью. С минуты неподвижно лежал, глядя на Чёрную скалу и густую тень у подножия – их разделяли всего несколько десятков метров, но белый волк чувствовал, что преодолеть это жалкое расстояние ему не под силу. И, поняв это, засмеялся: нечеловеческая глотка издавала странные кашляющие звуки, пытаясь передать всю горечь и злость, обуревавшие его. В горле заклокотало и захлюпало, но белый волк обратил на это внимание только тогда, когда по языку потекла горячая солёная жижа, и замолчал. Встал, вздрагивая всем телом, сделал с десятков шагов, оставляя кровавый след, и вновь упал, наконец потеряв сознание.

В траве лежал израненный обнаженный человек, лицом вниз, вытянув одну руку к Чёрной скале, словно в последней, отчаянной попытке дотянуться до спасительной тени. И многие десятки нечеловеческих глаз наблюдали, как удлиняется и растёт эта тень, пытаясь дотянуться до человека. Видели, как Чёрная скала оплывает плачущей свечей, и вырастает заново – словно её собственная тень вытягивается вверх, материализуясь, всё ближе и ближе к неподвижному телу. Но из всех наблюдателей, лишь обладатель пары круглых птичьих глаз, понимал, почему и как может перемещаться Чёрная скала, и почему её тень, словно тёмное, непроходимое для взглядов и лучей света покрывало, укутала,

скрыла от всех тело Белого Волка.

Странник

– У вас тут что, очередь на проход образовалась?

Вопрос был задан басом – густым и гулким, и Фёдор, чьё сознание и так уже находилось на грани возвращения, от удивления открыл глаза.

Над ним склонялись две размытые тени, и когда зрение сфокусировалось, в одной из них Фёдор узнал профессора. Вторым оказался незнакомый мужчина, крепко сбитый бородач со светлой шевелюрой и бровями, светло-серые глаза смотрели на молодого человека внимательно и дружелюбно.

– Нет, – ответил профессор, украдкой переведа дух, когда Фёдор очнулся. – Этот молодой человек не может пройти. Не пускают.

– Вы серьёзно? – удивлённо поднял брови незнакомец.

– Куда уж серьёзней... – проворчал в ответ Фёдор, с трудом садясь: в теле, как при ангине, болели все мышцы и кости, кожа приобрела болезненную чувствительность. Задрвав майку, с минуту рассматривал белесое пятно, оставшееся на груди там, где вошла молния, потрогал пальцем и пожал плечами: – Ничего не чувствую.

– Тебе надо в больницу, – негромко произнёс Степан Никанорыч, – неизвестно что это такое.

– Ерунда. Пройдёт само, – отмахнулся юноша, – а вы много путешествовали?

– Да, я посетил почти все открытые Запретные Земли. Кстати, меня зовут Кирилл. В честь пра-, пра-, пра-, в общем, прадедушки. И вы зря так насчёт больницы легкомысленно, но, если категорически не желаете терять время, могу одолжить меддиагностер. Я человек запасливый, – усмехнулся их новый знакомый, словно иронизируя по поводу последних слов.

Кирилл, правда, оказался человеком запасливым: кроме огромного, туго набитого рюкзака, из чрева летуна была извлечена столь же огромная вязанка дров. После чего, возмущённо чирикнув, транспорт улетел, не дожидаясь окончания пятнадцати финишных минут, которые обязан был ждать, уже после полной выгрузки, распоряжений пассажира.

Первым делом путешественник извлёк из недр рюкзака широкий браслет меддиагностера, нацепив на предплечье молодого человека. Спустя пять минут, после мелодичного негромкого свистка снял и, посмотрев показания, резюмировал:

– Он не нашел у вас ничего, кроме простуды. Рекомендует выпить таблетку аспирина и стакан горячего молока с мёдом. Вы здоровы. Так что не притворяйтесь, и помогите развести костёр.

Фёдор только хмыкнул в ответ и стал развязывать крепко увязанные четвертушки поленьев, прислушиваясь к постепенно ослабевающей боли. Естественно, что никакой простуды и в помине не было, а молоко он вообще на дух не пе-

реносил. Тем более – с мёдом.

Пока юноша возился с кострищем, подкатывая подходящие по размеру камни, Кирилл ловко нацепил браслет и на руку профессора, пытавшегося отбиваться от столь неожиданной заботливости. В этот раз меддиагностер молчал значительно дольше и в результате выдал сигнал другой тональности, заставившей путешественника нахмуриться.

– Что это значит? – поинтересовался Степан Никанорыч, наблюдая как он, найдя нужную ампулу в аптечке, вкладывает её в приёмный блок браслета. Поморщился, ощутив укол.

– Это значит, что вам давно следовало обратиться в кардиологический центр. Лекарство снимет боль, но ненадолго. Присядьте пока. Хотя, вам бы лучше отправиться в кардиоцентр немедленно. Отсюда лететь до него долго. Ещё один приступ – и лекарства уже не помогут.

– Знаю, – спокойно ответил старик. – Но ещё не сейчас.

Фёдор прислушивался «краем уха» к разговору профессора и путешественника, чувствуя себя Васькой, «который слушает да ест». Его встревожила новость о том, что у Степана Никанорыча проблемы с сердцем, но куда больше беспокоила судьба Суламифи. Солнце клонилось к закату, а это значит, что он вновь теряет время, пробыв без сознания полдня. Надо попытаться ещё раз *пройти*: раз его туда не пускают, вполне возможно, что ей нужна помощь, его помощь. Но при одном воспоминании о разряде, сотрясем всё тело, всё существо раскалённой молнией боли, ему становилось дур-

но, в глазах темнело. Надо было чуть-чуть отдохнуть, прийти в себя, и этот путешественник подвернулся очень кстати.

Огонь ярко полыхал, отбрасывая уютные, мягкие тени сгущающейся вечерней тьмы, за лёгкой пеленой облаков проклёвывались первые звёзды, подмигивая тем, кто смотрел на небо.

– Люблю настоящий, живой огонь, – улыбнулся путешественник в ответ на вопрос, зачем таскать с собой столько дров, вместо того, что бы взять легкий и маленький брикет сухого топлива? – у него есть душа, и выглядит, и пахнет он совсем по-другому. Жизнь странника быстро учит ценить такие вещи.

– Давно путешествуете? – поинтересовался Фёдор полупшепотом.

Они сидели рядом возле костра, но всё равно говорили тихо, так как с другой стороны кострища, в запасном спальном мешке Кирилла, спал Степан Никанорыч. Утомлённый бессонной ночью, тревогой из-за своих подопечных, он был окончательно сражен седативным действием препарата, вколотым меддиагностером. Но согласился отдохнуть только после того, как Фёдор дал слово, что не станет ничего предпринимать до его пробуждения.

– Давно. Иногда кажется – всю жизнь. Но если брать время по прямой, а не... ну, в общем, где-то лет десять, наверно.

– Вы что-то ищете, или это просто тяга к исследованию чужих миров? – полюбопытствовал юноша.

И над костром повисла тишина. Искоса поглядывающий на мужчину Фёдор заметил, как он вздрогнул, как расширились глаза, вглядывающиеся в танцующее пламя.

– Не что-то... – наконец с усилием, словно против воли, проговорил он, – кого-то.

– Кого-то?..

– Да. Жену. Альду.

– И вы тоже... вас тоже разлучил Поворот...

– Поворот... Мы называли его Сдвигом или Столкновением.

– Мы? Кто «мы»?

– Вы знакомы с теорией множественности миров, вселенных?

– Ну да, в какой-то степени. Она, правда, не пользуется популярностью в кругах учёных – физиков, поскольку мало достоверна и бездоказательна. Но я о ней слышал.

– Вы физик? Ну так перед вами сидит живое доказательство этой теории.

– Подождите, но как это может быть? Эта теория утверждает, что существует бесконечное множество параллельных миров, сдвинутых в поле времени на хроноквант – мельчайшее деление времени. Именно это не позволяет...

– Да. Именно это не позволяет мирам столкнуться, сдвинуться, повернуться. Они рядом, но... «за углом», так сказать. Были. Этот «угол» кто-то... или что-то... снёс. И миры сдвинулись, столкнулись, повернулись – как угодно. Зна-

ете, что мне сейчас напоминает земля? Какой-либо орган в теле, пораженный раком – зоны и есть раковые клетки, что множатся и разрастаются на теле Земли. Ваш мир очень похож на ту землю, что знал я, где родился. Но лишь похож. И во времени вы, похоже, в нашем, или очень близком к нему, будущем.

– Почему вы так думаете?

– Я был у истоков процесса Сдвига. Одна из первых открывшихся зон – Долина Фениксов: дойдя до их храма, можно было исполнить желание. Одно. Заветное...

– Эта долина есть и в нашем Мире. Почему не отправитесь туда, не пожелаете, что бы нашлась ваша жена?

– Я там уже был, – криво улыбнулся Кирилл в ответ, – был. Много лет назад. Вместе с ней. Знаете, иногда мне кажется, что потерянное должно быть потерянным. И, если всё-таки ухитрился уберечь его в обход воле Судьбы – горько пожалеешь об этом... Я должен был потерять Альду. И целых три года скитался по Долине, ожидая её возвращения. Дождался, но лишь для того, что бы дом, в котором мы поселились, попал под открывающуюся зону. И вновь – жду и ищу. Из мира в мир...

– Простите... – растерянно прошептал, задетый за живое чужой болью, юноша, – я не знал... не хотел...

– Не за что. Всё нормально. Всё нормально, пока человек верит, ищет и ждёт. Значит, он ещё жив. Значит, я ещё жив, и когда-нибудь найду её. Рано или поздно, я побываю во всех

зонах, где она может оказаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.